

Коваленко К. С. (Екатеринбург, УрГПУ)

Образ Святого Георгия в цикле «Георгий» М.Цветаевой

Аннотация. В статье рассматривается семантика и функции образа Святого Георгия в лирическом цикле Марины Цветаевой «Георгий» (1921–1922) из книги стихов «Ремесло», относящейся к переходному, кризисному периоду творчества поэта. Ведется анализ семи стихотворений цикла. Особое внимание в статье уделяется приемам создания образа героя, а также цветовой гамме цикла, символике цвета. Делается вывод о том, что в цикле «Георгий» Цветаева переосмысливает характер Георгия Победоносца, создает свой миф о святом, который действует не по собственной воле.

Ключевые слова: М.Цветаева, образ Святого Георгия, семантика образа, лирический цикл, символика цвета, житие.

Kovalenko K. S. (Yekaterinburg, USPU)

The image of St. George in the cycle "George" M. Tsvetaeva

Abstract: Semantics and image functions of St. George in the lyric cycle of Marina Tsvetaeva «George» (1921-1922) from the book of poems «Craft» referring to the transitional crisis period of the poet's work are considered in the article. The verses of the cycle are analyzed. In the article particular attention is paid to the methods of creating the image of the hero and also the color scale of the cycle and the symbolism of color. It is concluded that in the cycle «George» Tsvetaeva reinterprets the character of St. George the Victorious, creates her own myth about the saint who acts not of his own free will.

Keywords: Marina Tsvetaeva, image of St. George, Image semantics, Lyrical cycle, Color symbols.

Образ Святого Георгия с древних времен и до наших дней играет многообразную символическую роль, это один из вечных образов в русской культуре, он ярко представлен в искусстве. Святой Георгий Победоносец вдохновлял многих поэтов, в том числе поэтов Серебряного века. Марина Цветаева неоднократно обращалась к образу Георгия в своих произведениях, например, в стихотворении «Московский герб» из книги «Лебединый стан». Георгий По-

бедоносец у Цветаевой предстает, как спаситель, бесстрашный воин, посланный избавить людей от страха. Но, несмотря на его силу, несмотря на одержанную победу, во многих стихотворениях цикла «Георгий» говорится о его скромности, робости. Так, например, в первом стихотворении появляется метафора «*Стыдливость ресниц*», несколько раз повторяется фраза «*смущается всадник*». Синтаксический параллелизм связывает противоположные по семантике восклицания, относящиеся к герою: «*Сколь грозен и сколь ясен!*», «*Сколь скромн и сколь томен!*». Во втором стихотворении Цветаева даже сравнивает Георгия с красною девой: «*Георгий, ты плачешь, Ты красною девой Бледнеешь над делом Своих двух Внезапно-чужих Рук*». Также в нём есть и детские черты: «Стыдливости детской с гордынею конской Союз». Казалось бы, перед нами отважный воин, предназначение которого - спасти народ, но он тяжело переживает победу, одержанную над змеем, его внешний облик находится в противоречии с душой. Повторяется мотив тяжести. В цветаевском цикле Георгий не "победу носит", а тяжесть совершенного поступка: "*О страшная тяжесть Свершенных дел!*", "*О тяжесть удачи! Обида победы!*".

По мнению М. Мейкина, «из традиционного описания возникает отнюдь не канонический святой, а лишенный покоя победитель, неспособный смириться с фактом своей победы над драконом, — победы, которой, по иронии, гордится лишь конь Святого Георгия. В конце концов, обессиленный, он падает в лужу янтарной крови поверженного им чудовища» [Мейкин 1997: 159].

Важно отметить, что традиционные составляющие жития расположены в цикле в обратном порядке. В каноническом житие мученическая смерть происходит раньше победы над драконом.

Особую роль в создании образа Георгия играют эпитеты: в третьем стихотворении цикла нанизываются сложные определения, создающие величественный образ, окружённый высоким ореолом: «громокипящий», «солнцеподобный», «великолепный», «узорешённый». Но здесь же обыгрывается и оспаривается само именование «Победоносец»: «Победы не вынесший». В седьмом стихотворении цепочка эпитетов-прилагательных в превосходной степени способствует гиперболизации качеств Георгия:

Кротчайший Георгий,

*Тишайший Георгий,
Горчайший – свеча
Моих бдений – Георгий,
Кротчайший – с глазами оленя – Георгий!*

Здесь лирическая героиня утверждает «своего» Георгия, возникает оппозиция гордости - кротости: «Не тот – высочайший С усмешкою гордый».

Портретное описание героя напоминает иконописное изображение: «*Святая иконка – лицо твоё*». Наибольшее внимание уделяется глазам. С самого первого стихотворения делается акцент на ресницы: "Стыдливостию ресниц", "Под прикрытием стрел ресничных", "Ресницами жемчуг нижег...", "Пронзающей прямизне ресниц". Ресницы защищают стыдливо опущенные глаза героя. Затем глаза постепенно раскрываются: "Закрепощенный пыл зрачка", "Очей непомерных - Широких и влажных", «с глазами оленя – Георгий», "лазурное око". Высокая лексика, старославянизмы, метафорическое описание глаз подчёркивает сложность и тонкость душевной организации героя. Как известно, глаза - это зеркало души.

В четвёртом стихотворении цикла звучит голос самого Георгия: "О, не благодарите! - По приказу".

А шестое стихотворение целиком передаёт речь героя:

*А девы - не надо.
По вольному хладу,
По синему следу
Один я поеду
Как был до победы:
Сиротский и вдовый.*

И вновь в этих строках показано отторжение победы, уклонение от благодарности, почестей и брака. Подчёркивается аскетизм, одиночество, отрешённость от всего земного.

Важно, что композиционной основой всего цикла является психологическая антитеза: Георгий Победоносец – герой, смущенный кровопролитием, а конь воплощает в себе гордость победителя. Несмотря на такое явное противопоставление коня и всадника, важно отметить, что образ Георгия не может существовать отдельно. Происходит некий синтез, мы уже воспринимаем два образа как

целое: «в сознании поэта всадник сливается с конем, образуя новое мифологическое существо» [Скрипова 2016: 85].

Торжественный тон поддерживается на протяжении всего цикла, как и в традиционном житии. На это указывают риторические восклицания, междометия, повторы. Образ Святого является возвышенным. Поэт восхваляет его: «*Славьте – Георгия!*», «*Георгий! – Ставленник небесных сил!*», «*О лотос мой! Лебедь мой!*»

В создании образа Святого Георгия важную роль играет приём цветописи. Как пишет Л. В. Зубова: «Традиционная народнопозитическая синонимия белого и красного является в поэзии М. Цветаевой отправной точкой для построения совершенно определенных парадигматических отношений в цветообозначении, имеющих свою семантику в соответствии с мировоззрением поэта. Наиболее полно эта семантика отражена в стихотворном цикле "Георгий"» [Зубова 1989: 127].

В цикле преобладают два основных цвета – красный и белый. Центральные цветовые образы цикла – красный плащ Георгия Победоносца и его белый конь, которые являются цветовыми доминантами известной иконы «Чудо Георгия о змее». Красный и белый цвет на протяжении всего цикла противопоставляются и одновременно дополняют друг друга. «*И плащ его был красен, // И конь его – был - бел*». Далее красный цвет возникает в образах крови и огня и символизирует героическое.

В первом стихотворении красный цвет также разбавляется розовым: «*У розовых уст*», в третьем стихотворении варьируется тот же образ: «*розовый рот свой на две половиночки*». Этот цвет используется для того, чтобы смягчить красный, можно предположить, что он связан с «нежной» ипостасью Георгия-юноши, который сравнивается с «розаном райским». Потому что уж в начале цикла говорится: «*У нежного Всадника Боль в груди*». Цвет нежный и используется эпитет «нежный» для характеристики всадника. Далее, в строках: «*Ресницами жемчуг низжет...*» нет прямого указания на цвет, но мы представляем нежный оттенок жемчуга, который традиционно ассоциируется со слезами. Ресницы же «обеновой масти».

Затем снова нагнетается красный цвет: «*Красным предстает и копьё, окрашенное кровью змея, причем красный цвет в этом слу-*

чае достигает интенсивности пурпурного, а отблеск копья гиперболлизированно представлен метафорой плаща и красной тучи» [Зубова 1989: 127].

Закатным лучом — копьецо твое

Из длинных перстов брызжет.

Иль луч пурпуровый

Косит копьем?

Иль красная туча

Взмелась плащом?

За красною тучею —

Белый дом.

Там впускают

Вдвоем

С конем.

«*За красною тучею — //Белый дом*», — почти в заключение стихотворения вновь возникает противопоставление белого цвета красному, в данных строках «белый» символизирует высоту, чистоту, божественное начало. «Белый дом» как приют для Георгия, то место, где его ждут.

Во втором стихотворении цикла «красный» употреблён в устойчивом обороте, когда Георгия сравнивают с «*красною девою*». В то же время повторяется глагол «бледнеет», красное переходит в белое: «Зардевший под оплеухою славы — Бледнеет».

В третьем стихотворении с цветом огня, зарева соседствуют цвета неба и слёз: «синие вёрсты», «жемчужные грозди».

В последнем стихотворении цикла тема «*ставленника небесных сил*» проявляется наиболее отчётливо. Тут красный вообще исчезает, доминируют светлые оттенки: Георгий ассоциируется с лебедем, с лотосом, с «лазурным оком».

Таким образом, по мнению Л.В. Зубовой, герой и конь как бы меняются своими символическими цветами: конь из белого становится красным, а герой из красного — белым. Так, в слове *красный* совмещаются значения красного и белого через тему страдания как критерия святости.

Е. Фарыно показывает, что в цикле «Георгий» «Конь» и «всадник» представляют собой два нетождественных уровня духовного. «Всадник» за пределами и никак не соприкасается с миром брэнного,

«конь» же – «посредник» и играет роль «защиты» «всадника» от такого соприкосновения чреватого увлечением духовного начала». При такой интерпретации образов коня и всадника, можно заметить, что «красное» относится к миру земному, «белое» же – воплощение духовного начала [Фарыно 1985: 323 - 324].

В цикле «Георгий» Цветаева переосмысливает характер Георгия Победоносца, создает свой образ героя, который действует не по собственной воле, а по приказу, по велению долга. Святой является «*ставленником небесных сил*». Георгий скорее представляет собой не победителя, а побеждённого — самим же собой, он «*победы не вынесший*». Цветаева придает образу Святого Георгия черты своего мужа, но прямую отсылку к С.Эфрону можно обнаружить лишь в последнем стихотворении цикла, где прослеживается явное обращение уже не к Святому, а к возлюбленному человеку.

Литература

Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. — Л.: Издательство Ленингр. ун-та, 1989. — 264 с.

Мейкин М. Марина Цветаева: поэтика усвоения. — М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1997. — 312 с.

Скрипова О. А. Всадник-конь в книге стихов М. Цветаевой «Ремесло»//Филологический класс 4(46), 2016. – 106 с.

Фарыно Е. Мифологизм и теологизм Цветаевой («Магдалина» — «Царь-Девница» — «Переулочки») // Wiener Slawistischer Almanach. — Wien, Bd 18.

© Коваленко К.С., 2017

Колосова А. Д. (Екатеринбургш, УрГПУ)

Роль народной лирической песни в воплощении героев повести Н.С. Лескова «Житие одной бабы»

Аннотация: в данной статье автор исследует функциональный аспект народных лирических песен в повести Н.С. Лескова «Житие одной бабы», анализирует значение традиции фольклорной песни для воплощения портретов главных героев, их психологического облика, внутреннего состояния. Психологическая функция народ-